

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XXVIII, вып. 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ исторіи зырянскаго языка. Н. В. Никольскаго.	505—534.	ры. (A szlavaz osvallas emlékei). Д-ръ Дьюло Месарошъ. Будапештъ 1909 г.	
Казанскій столъ Разряднаго приказа С. И. Норфирьева.	535—553.	А. И. Емельянова.	566—584.

Изъ прошлаго Казанской духовной семинаріи. М. И. Бенеманскаго. 554—560.
Къ исторіи Казанской Общественной взаимопомощи К. Х. 561—565.

Материалы:

Нѣсколько документовъ конца XVIII вѣка о земельныхъ отношеніяхъ башкиръ и чувашъ. П. П. 585—565.

Хроника:

М. И. Бенеманскаго. 593—597.

Библиографія:

Памятники старой чувашской вѣ-

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.
1913.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Памятники старой чувашской вѣры. (A csuvas ősvallás emlékei). Д-ръ Дюло Месарошъ. Будапештъ 1909 г. *)

Въ 1909 г. въ Будапештѣ на венгерскомъ языкѣ была напечатана книга, подъ заглавіемъ «Памятники старой чувашской вѣры», доктора Дюло Месароша. Это сочиненіе не можетъ быть не отмѣчено, какъ явленіе довольно крупное въ исторіи этнографической литературы нашего Поволжья. Авторъ его, г. Месарошъ, осенью 1906-го года прибылъ къ намъ въ Россію, специально командированный Мадьярскимъ Международнымъ Средне и Восточно-Азіатскимъ Обществомъ для изученія языка и быта чувашъ. Въ теченіе полутора лѣтъ, проведенныхъ въ Россіи, г. Месарошъ посѣтилъ главнѣйшій образъ слѣдующія чувашскія мѣстности: Симбирской губерніи деревню Тайба Таушева и ближайшія къ ней селенія въ окрестностяхъ Свіаги, какъ чувашскія, такъ и татарскія; той же губерніи деревню Алгаши (Ул-хаш), населенную исключительно язычниками, сохранившими, по словамъ г. Месароша, въ наибольшей чистотѣ и неприкосновенности свою языческую старину. Въ Алгашахъ г. Месарошъ собралъ большую часть матеріала, вошедшаго въ составъ его книги; здѣсь же удалось ему путемъ особаго рода хитрости воспользоваться знаніями одного чувашскаго знахаря, сообщившаго ему богатый и интересный матеріалъ изъ области колдовства и наговоровъ. Изъ Симбирской гвб. г. Месарошъ направился въ Чебоксарскій уѣздъ, гдѣ пробылъ около 2 мѣсяцевъ; при чемъ наибольшее его вниманіе здѣсь остановили на себѣ деревни: Вомбу-касы и Пызыкъ-Карачора.

Въ Ковмодемьянскомъ у. онъ останавливался въ д. Чандыревой на 2 недѣли и въ д. д. Маломъ Карачкинѣ и Чутеевѣ. Въ послѣднихъ числахъ февраля 1908 г. г. Месарошъ возвратился на родину **).

Трудъ г. Месароша «Памятники старой чувашской вѣры» является однимъ изъ результатовъ его научной командировки. Онъ представляетъ собою книгу въ $\frac{1}{8}$ д. л. (16×25) въ 471 стр. Перечень отдѣловъ, по ко-

*) Доложено Общему Собранію О-ва А. И. Э. въ засѣданіи 25 нояб. 1912 г.

**) Keleti szemle. 1908. 1—2 szám. 131—134. l.

торымъ распредѣляется содержаніе, слѣдующіи: О народной древне-чува-шской религии (1—8); Богъ и добрые духи (8—28); Злые духи (28—48); Болѣе мелкія фантастическія существа (48—55); Стихи, небесныя свѣтила, явленія природы (55—83); Животное царство (88—109); Растительное царство (109—113); Жертвоприношенія (113—213); Похороны, поминки, загробная жизнь (213—255); Колдовство (255—268); Знахарство (268—392); Предсказанія (392—398); Толкованіе сновъ (398—401); Присяга (401—405); Обычаи при рожденіи (405—410); Свадебныя повѣрія (411—412); Особого рода повѣрія (412—428); Приложение (429—464); Оглавленіе (465—471).

Въ первомъ отдѣлѣ «О древне-чува-шской религии» на основаніи своихъ изслѣдованій авторъ приходитъ къ заключенію, что древняя чува-шская вѣра есть видоизмѣненіе тюркско-алтайскаго шаманства, при чемъ культъ добрыхъ и злыхъ боговъ значительно утратилъ яркость первоначаль-ной своей окраски, а роль жрецовъ и совѣтъ исчезла. На ряду съ этимъ авторъ усматриваетъ одну очень важную особенность въ религиозномъ міро-совершеніи чувашъ, это—ихъ монотеизмъ. «Русскіе изслѣдователи, Сбоевъ и Магницкіи, говоритъ онъ, въ своихъ филологическихъ и этнографиче-скихъ трудахъ не отмѣтили этой характерной особенности религиознаго міро-воззрѣнія чувашъ. А ргіогіи выходя изъ того положенія, что развѣ дѣло ка-сается язычества—«черной вѣры», то всѣ личныя существа и образы фанта-зми нужно признавать за божества, они включили въ разрядъ послѣднихъ всѣ мало или совѣтъ непонятныя названія изъ области языческаго куль-та, вопреки всякимъ научнымъ приемамъ и языкознанію признавъ за боговъ даже наименованія особыхъ болѣзней» (3. 1.). Монотеизмъ чувашъ, по мнѣ-нію автора, есть результатъ вліянія на нихъ ислама. Въ доказательство этого онъ приводитъ рядъ данныхъ изъ области религиозной терминологии и быта чувашъ,—указывающихъ на заимствованіе чувашами многихъ словъ и понятій изъ мусульманско-арабскаго языка. Эти заимствованія даютъ даже поводъ автору вывести довольно поспѣшное заключеніе, что большая часть чувашъ нѣкогда были мусульманами, но вѣтъ, когда вслѣдствіе «неблагоприятныхъ (?)», какъ онъ выражается, политическихъ формаций прекратилось общеніе между мусульманскимъ міромъ и чувашами,—не укоре-нившійся вполнѣ въ духѣ народномъ исламъ объединился съ незабытыми еще древне-шаманскими религиозными вѣрованіями народа (6. 1.).

Мысль о чува-шскомъ монотеизмѣ настолько пришла-сь автору по ду-шѣ, что и въ дальнѣйшихъ главахъ своего сочиненія, особенно въ слѣдую-щей «О Богѣ и добрыхъ духахъ», онъ неоднократно останавливается на ней, находя все новыя и новыя данныя въ ея подтвержденіе. «Всѣ языче-скія вѣрованія чувашъ, говоритъ онъ, и весь богослужебный культъ ихъ свидѣлствуютъ объ ихъ единобожіи. Если и вѣрятъ они въ существова-ніе многихъ добрыхъ и злыхъ духовъ, то никогда не называютъ ихъ име-немъ «Туръ», но обозначаютъ другими собственными ихъ именами и ни-когда не ставятъ ихъ участниками въ почестяхъ, какія воздаются Богу. Послѣднѣя они сами называютъ Единымъ Богомъ (Пер Туръ)».

Къ имени этого Единого Бога они присоединяють много разныхъ эпитетовъ. Авторъ приводитъ эти эпитеты, которые до сего времени русскими изслѣдователями принимались за наименованія особыхъ чувашскихъ боговъ, напримѣръ:

Џулти Турă	(Вышній Богъ)
Мăн Тура	(Великій Богъ)
Ѓун суратакан Тура	(Богъ, создатель души)
Турă-пулă суратакан Турă	(Богъ, творецъ хлѣба)
Ене Турри	(Корови Богъ)
Туй Турри	(Свадебный Богъ) и т. д.

Изъ языческаго богослужебнаго культа чувашъ въ доказательство ихъ единобожія, авторъ приводитъ слѣдующія данныя: «Весною предъ началомъ пашни чуваша приносятъ жертву Единому Богу и только ему одному. Предъ выгономъ скотины въ поле и во время соврѣванія хлѣбовъ испрашиваютъ благословеніе опять у него только одного. Осенью, когда увозятъ хлѣбъ съ поля и приступаютъ къ молотбѣ и, когда предъ выпадомъ перваго снѣга запираютъ скотину въ хлѣва и конюшни, опять ему же приносятъ благодарственные жертвы и т. д.» (12. I.).

Чуваши, по мнѣнію автора, въ своихъ монотеистическихъ воззрѣніяхъ послѣдовательнѣе даже русскихъ. Они де соблазняются, напримѣръ, распространеннымъ у русскихъ почитаніемъ святыхъ и иконъ, доходящимъ до идолопоклонства. Крещенные чуваша не могутъ ориентироваться между поклоненіемъ Единому Богу и почитаніемъ святыхъ. «Много разъ слыхалъ я, говорить авторъ, какъ чуваша глумясь говорили, что въ такой-то русской церкви 30—40 боговъ живетъ, намекая этимъ на количество изображеній святыхъ» (16. I.).

Насколько справедлива мысль г. Месароша о монотеизмѣ чувашъ, я предоставляю судить объ этомъ знатокамъ чувашскаго быта и религіи. Съ своей стороны позволю только отмѣтить противорѣчивость автора самому себѣ. Въ той же главѣ «О Богѣ и добрыхъ духахъ» онъ говоритъ, что Единный Богъ чувашъ живетъ въ вѣчной борьбѣ съ самымъ сильнымъ изъ злыхъ духовъ Шайтаномъ. Послѣдній постоянно богохульствуетъ и издѣвается надъ Богомъ, показывая ему «заднее» свое. А Богъ кидаетъ въ него молніями, но въ большинствѣ случаевъ неудачно, т. к. шайтанъ хитеръ и умѣетъ провести его (13—14. I.).

Думается, что слишкомъ ясно и отчетливо выразился здѣсь дуализмъ чувашъ, чтобы можно было говорить объ ихъ монотеизмѣ.

Далѣе въ молитвахъ, съ которыми обращаются чуваша къ добрымъ и злымъ духамъ, послѣдніе въ большинствѣ случаевъ представляются полновластными исполнителями того, о чемъ ихъ просятъ, а не играютъ какой либо служебной роли въ качествѣ посредниковъ или ходатаевъ предъ Богомъ, и это даетъ основаніе считать ихъ также божествами, хотя и не перваго разряда.

Изъ числа добрыхъ духовъ, почитаемыхъ чувашиами г. Месаропъ упоминаетъ слѣдующихъ:

Харпан,	Пулехсе,	Кепе,	Пирешти,
Херле сыр,		Хёрт-сурт,	Кил-хури,
Пихампар,	Хытам,	Йёрёх.	

Свѣдѣнія о нихъ не отличаются новизной, но дополнены нѣкоторыми подробностями, иногда довольно интересными. Останавливаю вниманіе на описаніи Йёрёха.

Объ Йёрёхѣ, говоритъ авторъ, знаютъ болѣе всего на сѣверѣ. Здѣсь разсказываютъ, что это была нѣкогда старая дѣва, занимавшаяся ворожбой и знахарствомъ. Своими знаніями она достигла такой славы при жизни, что и послѣ смерти стали почитать её и обращаться къ ней за исцѣлѣніемъ отъ нарывовъ, опухолей и глазныхъ болѣзней. Йёрёха никогда никто не видалъ, только иногда во снѣ онъ является въ видѣ старухи. Въ обществѣ считаютъ его за добраго духа, т. к. онъ исцѣляетъ болѣзни и вредитъ только тогда, когда его чѣмъ либо оскорбляютъ. Для жертвоприношенія Йёрёху дѣлаютъ изъ липовой коры маленькую коробку и кладутъ ее въ лѣтней избѣ или пивоварнѣ куда-нибудь на высокое мѣсто, а чтобы не видно было ее, загораживаютъ маленькой перегородкой изъ досокъ. На высокое мѣсто приходится полагать ее для того, чтобы кто-нибудь ненарокомъ не вадѣлъ ее рукою, т. к. въ послѣднемъ случаѣ на тѣлѣ могутъ появиться сыпи и нарывы. Нельзя также и смотрѣть на нее, т. к. начинаютъ болѣть отъ этого глаза. Подъ липовой коробкой привѣшиваютъ березовый вѣтчикъ чернемъ внизъ,—такъ, чтобы вѣтви его смотрѣли вверхъ; къ нимъ привѣшиваютъ въ честь Йёрёха мелкія оловянныя монетки (нухрат). Если у кого-либо въ семьѣ появятся опухоли, нарывы, или заболѣтъ глаза, для исцѣленія отъ этихъ болѣзней приносятъ Йёрёху жертву. Варятъ пшеничный кисель; изъ пшеничной муки дѣлаютъ колобокъ и, залпивъ въ средину его кусочекъ угля, подсушиваютъ въ печкѣ. Выбаваютъ маленькую оловянную монетку (тѣхлан-укса). Когда все это готово, кладутъ на столъ посреди избы. Самъ больной встаетъ предъ столомъ лицомъ къ двери и молится. Молитва совершается такъ же, какъ и при другихъ жертвоприношеніяхъ. Молящійся надѣваетъ шубу, подъ правой мышкой держитъ шапку, дверь въ избу бываетъ немного приотворена. Когда хвораетъ ребенокъ, вмѣсто него жертву приносятъ мать, она же и молится, при чемъ больного ставитъ около себя и, если онъ можетъ говорить, то повторяетъ за нею слѣдующую молитву: «Сестрица Йёрёх, помилуй, слѣлай здоровымъ. Я даю тебѣ киселя, колобокъ и деньгу привѣшиваю, помилуй». Съ послѣднимъ словомъ «помилуй» молящіися или молящаяся гладитъ себя по лицу и волосамъ ладонями. Кисель потомъ съѣдаютъ сами, но только не больной, а другіе члены семьи. Колобокъ кладутъ въ липовую коробку для Йёрёха, а оловянную денежку на ниткѣ привѣшиваютъ къ одной изъ вѣтокъ березоваго вѣтника.

У южных чувашъ въ Тайбѣ самую коробку зовутъ Йёрёхомъ. Въ нее кладутъ горсть дубовыхъ листьевъ, а къ краямъ привѣшиваютъ нухратки. Когда дѣвушка выходитъ замужъ, то вмѣстѣ съ собою уноситъ и липовую коробку—Йёрёха, а отецъ ея дѣлаетъ себѣ другую. Въ каждомъ домѣ бываетъ свой Йёрёхъ; но кромѣ того для всей деревни имѣется особый наиболѣе старый и прославившійся Йерехъ. Этому Йёрёху приносятъ жертвы въ случаѣ извѣстныхъ болѣзней и очень его боятся. Въ языческихъ Алгашахъ Йёрёхомъ навываютъ маленькій клочекъ лужайки, гдѣ онъ живеть, т. е. по ихъ мнѣнію и у Йёрёха есть такое же мѣстожительство, какъ и у злыхъ духовъ и киреметей. Всѣхъ, кто приходитъ къ нему сюда, Йёрехъ испѣляетъ, вредъ же причиняетъ въ томъ случаѣ, когда чѣмъ-нибудь загрязняютъ его жилище или просто сильно топаютъ ногами.

Имя Йёрёха иногда поминаютъ въ разговорахъ. О человѣкѣ, который неотступно проситъ чего-либо, говорятъ: привязался, какъ Йёрёхъ; яраго спорщика, котораго никакъ не убѣдишь, также сравниваютъ съ Йёрёхомъ.

Въ главѣ о злыхъ духахъ г. Месарошъ особенное вниманіе останавливаетъ на киреметяхъ. Послѣ продолжительныхъ разсужденій по вопросу о происхожденіи киреметей авторъ заявляетъ: «По моему мнѣнію киремети ведутъ начало отъ культа умершихъ». (до. 1.). Какъ жалко, что г. Месарошъ потратилъ такъ много времени и труда на самостоятельное рѣшеніе вопроса, который давно уже рѣшенъ въ этомъ же смыслѣ, хотя бы напр. въ трудахъ нашего И. Н. Смирнова. (Черемисы. 131—138).

Кромѣ киреметей изъ числа злыхъ духовъ у автора упоминаются:

Шуйттан,	Кѣлѣ,	Ийе,	Есрел,	Вупър,
Астак,	Вупкѣн.			

И й е.

Это злой духъ, причиняющій вредъ маленькимъ дѣтямъ. Онъ невидимъ, но постоянно ходитъ около дѣтскихъ колыбелей, ища случая нанести какой-либо вредъ. Свой умыселъ ему удастся осуществить, когда дѣтей оставляютъ однихъ дома или въ полѣ. Самая тяжелая изъ причиняемыхъ имъ болѣзней—эпилепсія (родимчикъ), которую навываютъ Ийе вѣрѣннѣ. Въ старину лѣчили ее тѣмъ, что пекли для Ийе 12 ячменныхъ лепешекъ и варили столько же яицъ. Этими лепешками и яйцами обкладывали голову припадочнаго ребенка и затѣмъ выносили ихъ въ поле въ такое мѣсто, куда не ступала человѣческая нога. Здѣсь ихъ раскладывали въ рядъ: сначала лепешки одну подлѣ другой въ видѣ длиннаго ряда, затѣмъ на каждую лепешку полагали по яйцу. И это считалось жертвою Ийе.

Если ребенокъ много плачетъ и болѣетъ, о немъ говорятъ, что къ нему привязался Ийе (Ийе сулѣхнѣ). Чтобы вылѣчить ребенка, дѣлаютъ 5—6

колобковъ Ийе самахе и бросають ихъ на улицу чрезъ окно говоря: «Ийе ан сулах, касар.»

Эти колобки можно дѣлать только изъ старой муки или изъ такой, которая въ зернахъ предварительно была уже принесена въ жертву Богу. Если такой муки не имѣется, достаютъ у кого-ниб. изъ сосѣдей. Если ребенокъ во снѣ смѣется, говорятъ, что къ нему привязался Ийе и смѣшить его. Чтобы избавить ребенка отъ злого духа, при помощи знахаря бьютъ Ийе (Ийе саптарасѣѣ).

Для этого кладутъ ребенка нагимъ среди избы, положивъ подъ него нѣсколько тряпокъ. Кругомъ разбрасываютъ по полу кудель (паклю) и зажигаютъ ее. А знахарь, взявъ въ руку пруть какого-либо колючаго растения (таллѣ пиѣн), трижды обходитъ кругомъ ребенка, ударяя прутомъ по горячей кудели и произнося соотвѣтствующее заклинаніе.

Е с р е л.

Его называютъ также начальникомъ кладбища. Масар пулѣхѣ, Масар пуѣѣ, Сава пуѣѣ. Южные чувашіе представляютъ его въ видѣ высокаго худого человѣка съ страшнымъ лицомъ, который беретъ душу умирающаго и уноситъ съ собою на кладбище. На кладбищѣ онъ и самъ живетъ, и земля кладбища составляетъ его собственность. Когда начинаютъ копать могилу, то просятъ у него мѣста для умершаго, при чемъ зарываютъ маленькіи кусочекъ хлѣбца въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагается яма.

Въ д. Тлйбѣ одинъ старикъ разсказывалъ г. Месарошу, какъ онъ видѣлъ однажды Есреля. «Мой сосѣдъ, говорилъ онъ, сильно хворалъ и былъ уже при смерти. Однажды ночью я лежалъ у себя на постели и не спалъ. Вдругъ вижу, что ко мнѣ подходитъ какой-то человѣкъ страшнаго вида, высокій, худой, одни кости да кожа. Это былъ Есрел. Когда я замѣтилъ, что онъ приближается ко мнѣ, я оттолкнулъ его отъ себя. Тогда Есрелъ сказалъ: «Я потерялъ дорогу; не сюда нужно было итти, а къ твоему сосѣду». Дѣйствительно, мой сосѣдъ вскорѣ же умеръ».

В у п ѣ р.

Вупар по ночамъ ходитъ и давить во снѣ людей: мужчинъ въ образѣ женщины, а женщинъ въ образѣ мужчины. Ходитъ онъ не ко всѣмъ, а только къ тѣмъ, къ кому уже разъ повадился. Если человѣкъ, котораго давить Вупар найдетъ силы крикнуть, то кто-либо изъ спящихъ рядомъ встаетъ и заклиняетъ его говоря: «Во имя Бога, что случилось съ этимъ человѣкомъ»? Вупар пугается этихъ словъ и уходитъ. Крепленные чувашіе на сѣверѣ, чтобы избавиться отъ Вупара, предъ сномъ привязываютъ ко лбу шейный крестъ, или же кладутъ его на ночь въ ротъ. Полезнымъ считается также предъ тѣмъ, какъ ложиться спать, понюхать потъ между пальцевъ своихъ ногъ.

А с т а к.

Астак показывается иногда въ ночную пору въ видѣ неожиданно ввблескивающего свѣта. Онъ ходитъ по ночамъ къ мужчинамъ и женщинамъ и распутничаетъ съ ними вплоть до утра. Женщинѣ онъ является въ видѣ ся мужа, но только спереди, вадъ же у него—какъ у барана, по чему и можно бываетъ его привнать. Однажды повадившись къ какой-либо женщинѣ, онъ уже ходитъ къ ней каждую ночь, насилуя ее до тѣхъ поръ, пока она не умретъ. Чтобы избавиться отъ Астака, въ него стрѣляютъ изъ ружья. Можно отучить его также еще и слѣдующимъ образомъ: мужъ женщины надѣваетъ на себя ея одежду и ложится на ея постель. Когда ночью приходитъ Астак, онъ встаетъ и хорошенько ударяетъ его бичемъ. Послѣ чего Астак не осмѣливается болѣе ходить. (Алгаши). Южные чувашы навываютъ Астака огненнымъ вѣтемъ и представляютъ въ видѣ дракона съ сильными крыльями. Небо блистаетъ, когда онъ летитъ по вовдуху. Астаки прилетаютъ въ деревни обыкновенно по нѣскольку вдругъ, садятся на крыши домовъ и играютъ. Если какая-нибудь женщина очень долго убивается послѣ смерти мужа, Астак является ей по мочамъ въ видѣ покойнаго мужа и спитъ съ нею. Спускается онъ обыкновенно по трубѣ и распутничаетъ съ женщиною до тѣхъ поръ, пока она не высохнетъ. Къ мужу, оплакивающему свою жену, Астак является въ видѣ покойной жены его.

Изъ числа болѣе мелкихъ фантастическихъ существъ г. Месарошъ упоминаетъ слѣдующихъ: Вите хуѣи, Вушни, Куйкѣрѣш, Упѣте (Упѣте), Ар-сүри (Ар-сүри), Улѣп, Сунатлѣ сын.

К у й к ѣ р ѣ ш.

Когда пѣтухъ проживетъ 6 лѣтъ, то на 7-мъ сноситъ яйцо. Если положить это яйцо подъ мышку, можно выпарить Куйкѣрѣш-а. Неизвѣстно, какой видъ имѣетъ Куйкѣрѣш—человѣка или животнаго, но онъ можетъ говорить. Онъ постоянно проситъ работы у ховяина и все, что поручаютъ ему исполнять. Приноситъ въ домъ сокровища, деньги. Нужно только постоянно занимать его дѣломъ, такъ какъ безъ него онъ не можетъ оставаться ни минуты и не дастъ ховяину покоя, пока онъ не дастъ ему работы. Когда, получивъ все желасмос, ховяева хотятъ избавиться отъ Куйкѣрѣш-а, то приказываютъ ему черную онучу сдѣлать бѣлой. Этого онъ не въ состоянн выполнить и отъ стыда покидаетъ своего ховяина и ишетъ другого. Но только съ собою уноситъ все имущество и деньги, которыя наносилъ. О человѣкѣ очень прилежномъ говорятъ, что онъ работаетъ, какъ Куйкѣрѣш.

У п ѣ т е.

Упѣте имѣетъ видъ человѣка высокаго роста съ тѣломъ, покрытымъ волосами, и живетъ въ лѣсу, почему его зовутъ также отцомъ лѣса (вѣрман ашше). Упѣте можетъ говорить на всякихъ языкахъ и даже лепетать по дѣтски. Въ лѣсу онъ подходитъ къ человѣку и начинаетъ его шекотать. Затѣмъ вырываетъ у него зубы и сѣдаетъ. Но если у путника или

прохожаго есть топоръ, или вообще какое-нибудь острое орудіе, то Упѣте не смѣетъ къ нему подойти. Также боится собаки. Иной разъ, когда доволѣки разложить въ лѣсу огонь, то и Упѣте приходится къ нимъ погрѣться у костра. Но если горитъ въ огнѣ черемуха, то Упѣте боится близко подходить, т. к. искры отъ черемухи могутъ спалить его шерсть.

Ар-с у р р и.

Буквально значить «полумужчина». Южные чувашы считаютъ Ар-с у р р и женою Упѣте, почему и зовутъ также матерью лѣса (Вѣрман амѣш). Ар-с у р р и представляютъ въ обрѣдѣ голыя женщины, съ тѣломъ покрытымъ шерстью, только ея genitalia обнажены. У нея огромные сосцы, свѣсившіеся внизъ; во время ходьбы она полагаетъ ихъ себѣ на плечи. Въ лѣсу Ар-с у р р и забѣгаетъ впередъ человѣка, нагло смѣется и, показывая свои genitalia, зоветъ его къ себѣ. Бесстыдную женщину браня называютъ Ар-с у р р и. (Тайба).

По вѣрованію сѣверныхъ чувашъ, Ар-с у р р и образуется изъ самоубійцы. Шайтанъ входитъ въ тѣло самоубійцы и носитъ его по лѣсной чащѣ, пугая прохожихъ. Въ Чандыревой думаютъ, что душу убитаго въ дорогѣ или самоубійцы Богъ не принимаетъ къ себѣ и потому она съ плачемъ ходитъ по лѣсу и пугаетъ другихъ. Ар-с у р р и можетъ также явиться изъ задушеннаго младенца, рожденнаго дѣвицей. Обыкновенно Ар-с у р р и гоняется за человѣкомъ въ лѣсу, принимая всевозможные образы: овцы, зайца, вспыхивающаго огонька, хлѣбной скирды и т. д. Ничуть нельзя въ такихъ случаяхъ что-либо отвѣчать ему, т. к. онъ тотчасъ же исчезаетъ, а вмѣсто того въ лѣсу начинается свистать, аукать, слышится топотъ, трескъ, ужасные нечеловѣческіе голоса.

С у п а т л а с ы н.

Крылатый человѣкъ. По вѣрованію южныхъ чувашъ (Алгашей), въ старыя времена были такіе люди, но никому не показывали своихъ крыльевъ. Въ Симбирской губерніи въ 20 верстахъ отъ Алгашей въ деревнѣ Сѣнѣ Пурт жилъ по преданію такой человѣкъ. Онъ имѣлъ уже девятую жену, но ни съ одной не ходилъ въ баню, чтобы не показать своихъ крыльевъ. Однажды жена его, сгорая отъ любопытства, продрала отверстие въ стѣнѣ бани и, когда мужъ вошелъ туда, заглянула. Но какъ только увидѣла она его крылья, тотчасъ же мужъ ее умеръ.

Въ отдѣлѣ, озаглавленномъ «Стихи, небесныя свѣтила», авторъ дѣлаетъ попытку на основаніи отрывочныхъ данныхъ изъ древнихъ языческихъ заклинаній и пѣсень нарисовать картину космогоническихъ представленій чувашъ. Въ основѣ этихъ представленій лежитъ древнее шаманское воззрѣніе на міръ, какъ состоящій изъ нѣсколькихъ ярусовъ. Указаніе на эти ярусы авторъ видитъ въ словахъ ворожцовъ и знахарей, упоминающихъ о какихъ-то 77 мірахъ. О томъ же, по его мнѣнію, сви-

дѣтельствуеъ наименование Бога вышнимъ, вѣрованіе чувашъ въ Кепе, который является посредникомъ между Богомъ и людьми и обитаетъ въ пространствѣ между небомъ и землей. По вѣрованію шаманъ, въ 3-емъ ярусѣ есть бѣлое молочное озеро. Авторъ находитъ о немъ упоминание и у чувашъ въ слѣдующей чувашской «плачевной пѣсни»: «Когда русскія войска заняли уже Казань, татарскій царь попросилъ у русскаго царя позволенія послѣдній разъ повеселиться. Получивъ позволеніе, татарскій царь поднялся на мечеть, взявъ съ собою гусли, и съ балкона мечети началъ играть пѣсню. Сначала заигралъ онъ ее на грустный, печальный ладъ. Звукъ пѣсни дошелъ до сердца всего войска. И татары и русскіе пали на колѣни и заплакали подъ звуки мотива. За новую пѣсню принялся татарскій царь—пѣсню радостную и веселую, и всѣ войска пустились въ плясъ. Въ третій разъ началъ онъ пѣсню на новый мотивъ, и снова павши на колѣни, заплакали всѣ, кто только слышалъ ее. Послѣ этого царь ударилъ свои гусли о стѣну мечети и разбилъ, а самъ обернулся лебедемъ, вспорхнулъ и улетѣлъ далеко на югъ къ берегамъ *молочнаго озера*. Внуки его и теперь еще тамъ живутъ въ постоянной печали, но не теряя надежды, что возвратятся когда-нибудь въ Казань»...

«Вѣроятно, замѣчаетъ г. Месарошъ, это вступительная часть къ старинной пѣснѣ о взятіи Казани,—пѣснѣ, являющейся образцомъ забытой эпической поэзіи; это—послѣдній аккордъ погибшаго героическаго эпоса чувашъ».

Продолжая далѣе описывать чувашскую космогонію, авторъ говоритъ, что въ зачинаніяхъ чувашъ часто приходится слышать о свѣтломъ четырехугольномъ мірѣ (тават кетеслѣ сут сѣнталак).

Въ настоящее время на землѣ 77 народовъ и столько же языковъ. Самый сильный между царями—Бѣлый царь (шур патша)—самый влиятельный владыка, съ которымъ никто не смѣетъ воевать и который производитъ судъ надъ всѣми царями. «Когда, говоритъ авторъ, въ первый разъ увидали меня чувашіе языческихъ Алгашей, то среди стариковъ много пошло толковъ: «это, говорили они, навѣрное одинъ изъ людей Бѣлаго царя, самаго могучаго на землѣ¹⁾».

«У земли имѣются особыя личныя существа: отецъ земли (сѣр ашше) и мать земли (сѣр амаше); вмѣстѣ они называются семействомъ земли (сѣр йыше). Есть въ Чебоксарахъ одна часовня и въ ней между прочимъ 2 иконы, изъ которыхъ одну чувашіе называютъ матерью земли, а другую отцомъ земли. Чувашіе нерѣдко ходятъ сюда, зажигаютъ предъ этими иконами свѣчи и молятся на своемъ языкѣ, перечисляя свои нужды. Русскихъ святыхъ народный духъ облекъ въ языческія формы» (61. 1.)²⁾.

¹⁾ Интересно бы знать, что дало поводъ и основаніе чувашамъ принять г. Месароша за столь необыкновеннаго человѣка.

²⁾ Какъ, спрашивается, смотрѣтъ послѣ этого на вышеприведенное мнѣніе г. Месароша, что крещенные чувашіе соблазняются почитаніемъ святыхъ у русскихъ, доходящимъ до идолопоклонства?

Чуваши, по мнѣнію г. Месароша, являются самыми типичными земледѣльцами изъ всѣхъ тюркско-татарскихъ племенъ, поэтому въ ихъ мѣахъ и вѣрованіяхъ земля вообще играетъ очень видную роль. Ее они называютъ матерью своею, а себя дѣтьми, сосущими ея грудь (пире сѣр каккѣри та-рантарат). Этимъ объясняется то обстоятельство, что у чувашъ очень много мѣовъ и преданій, связанныхъ съ земледѣліемъ. Между прочимъ г. Месарошъ приводитъ слѣдующихъ 2 небезинтересныхъ мѣа о происхожденіи серпа.

1-й. Прежде люди не знали серпа, а поджигали хлѣбные колосья по одному раскаленнымъ шиломъ. Богъ пожалѣлъ людей и бросилъ имъ съ неба серпъ. При паденіи серпъ попалъ въ шею одному человѣку и пересѣкъ ее. Отсюда узнали, какъ нужно пользоваться серпомъ.

2-й. Одинъ человѣкъ вышелъ въ поле и увидалъ на жнивѣ серпъ. «Что де это за животное мой хлѣбъ портитъ. Не червь ли? Зоветъ своихъ товарищей: «Идите скорѣй! Богъ знаетъ, что творится у меня на полюсъ. Сколько было хлѣба посѣяно, а весь его это животное уничтожило. Идите, прогонимъ его». Цѣлой толпой вооружились длинными шестами и начали подталкивать серпъ. Онъ не двигается. «Богъ еще гонимъ, а онъ и не идетъ». Подняли затѣмъ серпъ на шесть, а онъ скатился оттуда и ударился одному въ шею. «Держите его, онъ еще и шею сѣстъ!» Схватили серпъ за черенъ и потащили, а серпъ и перерѣзалъ у человѣка шею. «Онъ даже и людей ѣстъ, заговорили всѣ. Идемте, бросимъ его въ Волгу». Привязали къ серпу большой камень и положили въ лодку. Выѣхали на средину Волги и бросили серпъ въ воду, а онъ зацѣпилъ за край лодки, перевернулъ ее и всѣхъ утопилъ.

Далѣе идутъ преданія о воздухѣ, огнѣ, солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ, небесныхъ вратахъ, громѣ, радугѣ, зарницѣ, животномъ царствѣ и растеніяхъ. Среди нихъ есть такія, которыя можно слышать у вотяковъ, черемисъ, татаръ и даже русскихъ, но есть и новыя, цѣнныя для характеристики народнаго мировоззрѣнія.

Въ отдѣлѣ о жертвоприношеніяхъ г. Месарошъ представляетъ слѣдующую таблицу языческихъ чувашскихъ моленій. Весеннія моленія: ака умѣн пѣтти (предъ пашней), варлах пѣтти (при посѣвѣ), кету умен пѣтти (предъ выгономъ скота), утук (когда колосится рожь), сѣрси тукѣ (моленіе о томъ, чтобы дѣвушки въ текущемъ году вышли замужъ). Осеннія моленія: кақи тукѣ (ночное моленіе), тура тукѣ (жертва Богу), хур тукѣ, карта пѣтти, килеш пѣтти, шыв мимере, сара тукѣ, хорт тукѣ, хѣрт-сурт пѣтти.

Случайныя моленія: никес пѣтти; ѳне турри тукѣ; моленія объ избавленіи: отъ порчи, отъ ушной боли, отъ киреметей; умиловительныя жертва для избавленія отъ болѣзни, причиненной манкилѣ (мѣсто, гдѣ закаляютъ жертвенное животное).

О каждомъ изъ этихъ моленій авторъ говоритъ подробно, приводитъ и тѣ молитвы, какія при этомъ читаются. Однимъ словомъ, данный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ много безусловно цѣннаго и новаго матеріала.

Глава о похоронахъ, поминкахъ и загробной жизни наименѣе другихъ представляетъ интереса, т. к. всѣ почти свѣдѣнія, помѣщенные здѣсь, имѣются у Магницкаго, хотя авторъ по обычаю своему и здѣсь совѣмъ почти не дѣлаетъ ссылокъ на заимствованія.

Въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ «Колдовство» авторъ приводитъ слѣдующее различіе между колдуномъ и знахаремъ. Тотъ и другой стоятъ въ тѣсной связи съ вѣлыми духами, но только первый пользуется своимъ влияніемъ на злыхъ духовъ для того, чтобы наслать на людей болѣзнь или порчу, а второй, пользуясь тѣмъ же влияніемъ, врачуетъ больныхъ и снимаетъ порчу.

Понятіе колдунъ обозначается у сѣверныхъ чувашъ словомъ асамсахъ, у южныхъ аймса. Болѣе почетное названіе колдуна тѣлхѣфѣ. Самое дѣйствіе колдовства обозначается словомъ тукатмашъ.

Въ настоящее время колдовство уже не такъ развито среди чувашъ, какъ въ старину. Теперь оно является только побочнымъ ремесломъ. Обыкновенно занимаются имъ музыканты, скрипачи и пузырьники, какъ люди наиболѣе располагающие свободнымъ временемъ.

Въ одеждѣ колдунъ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ людей, только не носить на шеѣ креста. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ народъ думаетъ, что у колдуновъ есть особые знаки на тѣлѣ, а именно: два отверстія подъ мышкой и хвостъ—голый отростокъ на задней части тѣла, величиною съ указательный палецъ. Эти органическія особенности появляются у колдуна только тогда, когда онъ въ совершенствѣ постигаетъ всѣ тайны своей науки. Отправляясь на свое дѣло, колдунъ обязательно принимаетъ видъ какого-нибудь животнаго: собаки, медвѣдя и т. п.

Прежде чѣмъ вступить въ разрядъ колдуновъ, желающій долженъ снять икону, отнести ее въ оwinъ и здѣсь, бросивъ на то мѣсто, гдѣ разводится огонь, три раза ступить на нее ногой, приговаривая: «я тебя забываю и ты меня забудь». Для колдуновъ, отрেকшихся такимъ образомъ отъ Бога, не страшной становится самая смерть. Тѣло ихъ земля не принимаетъ въ себя: оно или проваливается сквозь землю или плаваетъ гдѣ-нибудь на поверхности воды. Въ Чандыревой авторъ слышалъ слѣдующую легенду о колдунѣ.

Въ одномъ селеніи жила старушка. На смертномъ одрѣ она завѣшала не мыть ея тѣла и похоронить въ той одеждѣ, въ какой она умретъ. Но послѣ ея смерти сосѣди сочли неприличнымъ не выполнить всѣхъ тѣхъ обрядовъ, какіе полагается совершить надъ умершими,—особенно въ виду столь безукоризненной и праведной жизни, какую вела покойная. Когда же сняли съ нея одежду, то замѣтили подъ мышками 2 отверстія, а назади маленькій хвостикъ. Однако положили въ гробъ и понесли. Но едва только опустили гробъ въ могилу, какъ онъ началъ опускаться все ниже и ниже и наконецъ совершенно исчезъ.

Способы, какими колдунъ нагоняетъ на людей порчу, очень простыя.

Достаточно ему гдѣ-нибудь на пиру подуть въ ковшикъ съ пивомъ, дать выпить, и злой умыселъ его приходитъ въ исполненіе; иногда даже достаточно только пустить сверху табачный дымъ изъ трубки. Если на свадьбѣ два музыканта, обыкновенно бывающіе въ то же время и колдунами, поссорятся между собою, то одинъ можетъ дунуть на другого табачнымъ дымомъ и тотчасъ же у его противника или лопаются пузыри на инструментѣ, или отверстіе, ведущее къ нему, наполняется кровью или особыми мелкими наскоками. Колдуны могутъ производить остуду въ любящихъ сердцахъ, женщинъ дѣлать бесплодными, а мужчинъ безсильными. Г. Месарошъ приводитъ слѣдующіе 2 примѣра того, какъ колдуны портятъ людей. Въ первомъ описывается одинъ изъ приемовъ, какими колдуны дѣлаютъ женщинъ бесплодными. Свой умыселъ колдунъ приводитъ въ исполненіе обычно на свадьбѣ. Предварительно онъ идетъ въ лѣсъ, отыскиваетъ тоненькую липку и сдираетъ съ нея кору, приговаривая: «Сдираю кору съ этой липы. Какъ изсохнетъ она, такъ пусть изсохнетъ и тотъ человѣкъ. У переступившей чрезъ эту липу пусть не будетъ дѣтей». Когда обдранная липка засохнетъ, колдунъ опять къ ней идетъ и отрѣзываетъ отъ ея ствола палочку, толщиною съ палецъ и длиною въ четверть. Съ наступленіемъ свадебнаго пира колдунъ идетъ въ числѣ прочихъ званныхъ и незванныхъ гостей и становится гдѣ-нибудь около двери. Въ это время въ карманѣ у него лежитъ срубленная имъ липовая палочка, распиленная вдоль пополамъ. Когда молодущка сидитъ еще въ избѣ, колдунъ бросаетъ одну половину липовой палочки куда-нибудь къ двери. Выходя изъ избы, молодущка переступаетъ чрезъ нее, хотя можетъ и не переступить: достаточно только пройти около нея. Колдунъ поднимаетъ послѣ этого палочку и, сложивъ вмѣстѣ съ ея половиной, связываетъ. Въ этомъ и состоитъ колдовство. Вмѣстѣ съ палочкой колдунъ связываетъ и способность женщины къ дѣторожденію.

Второй примѣръ порчи слѣдующій: колдунъ старается сначала достать клочекъ одежды или бичевки отъ лаптя того, кого онъ хочетъ испортить. Добытые предметы несетъ затѣмъ къ ручью и здѣсь закапываетъ ихъ въ рѣчномъ илу говоря: «Ой, животъ болитъ! Ой, сердце разрывается!» и т. п. Одновременно съ этимъ тѣ же самыя слова вынужденъ бываетъ произносить и тотъ человѣкъ, котораго колдунъ имѣетъ въ виду, т. е. на самомъ дѣлѣ испытываетъ боли въ упоминаемыхъ частяхъ тѣла.

Знахарство.

Знахаря чуваша зовутъ йомаша. Онъ, по ихъ мнѣнію, умѣетъ узнавать причины болѣзней и знаетъ, какъ умиловить злыхъ духовъ или покойниковъ, разсердившихся на кого-либо,—однимъ словомъ, умѣетъ лѣчить болѣзни. Способы узнавать причины болѣзней у знахарей слѣдующіе:

1. Подойдя къ больному, знахарь беретъ его правую руку и, выслушавъ пульсъ, опредѣляетъ: 1) насколько серьезно болѣзнъ и 2) какой киремень ее причинилъ. Последнее онъ узнаетъ такимъ образомъ: держа руку

больного, онъ перечисляетъ всѣхъ извѣстныхъ ему киреметей и, когда при имени кого-нибудь изъ нихъ замѣчаетъ, что пульсъ бьется сильнѣе, рѣшаетъ, что этотъ киреметь и есть виновникъ болѣзни.

2. Знахарь беретъ въ руку монету, предназначенную ему за лѣчение, и пристально всматривается въ нее; если покажется ему, что монетка блеснётъ—больной будетъ здоровъ, если же она потемнѣетъ—больной умретъ.

3. На нитку, длиною въ локтевой суставъ, привѣшиваютъ оловянный шарикъ. Знахарь беретъ эту нитку за конецъ и держитъ на вѣсу. Затѣмъ начинаетъ перечислять киреметей; и тотъ, при имени котораго висящій неподвижно на ниткѣ шарикъ покачивается, считается виновникомъ болѣзни.

4. Привязываютъ къ ниткѣ вмѣсто оловяннаго шарика хлѣбную корку. Знахарь садится около больного. Положивъ правую ногу на лѣвую, на колено кладетъ монету, предназначенную за лѣчение и, держа надъ ней въ правой рукѣ нитку съ коркой на вѣсу, перечисляетъ киреметей. Когда при имени извѣстнаго киреметя корка дѣлаетъ круглое движеніе, это значитъ, что болѣзнь причинилъ другой киреметь, а если она сдѣлаетъ движеніе по прямой линіи, то болѣзнь причинилъ тотъ киреметь, имя котораго при этомъ было произнесено.

Болѣзни, съ которыми приходится имѣть дѣло знахарямъ, г. Месарошъ дѣлитъ на 5 разрядовъ:

I. Болѣзни отъ злыхъ духовъ; II.—отъ порчи колауновъ; III.—отъ злого глаза; IV. Болѣзни аншартъ; V. Болѣзни, которыя народъ приписываетъ естественнымъ причинамъ или видитъ въ нихъ наказаніе Божіе за грѣхи.

Соотвѣтственно этому дѣлешю авторъ приводитъ и наговоры противъ болѣзней. Вотъ краткій перечень этихъ болѣзней и наговоровъ:

I.

1) Лашана, сынна тулакан тѣлхи (наговоръ противъ порчи человека или лошади).

2) Шат тѣлхи. (При порчѣ злымъ духомъ (усал) ребенка).

3) Ийе тѣлхи. (Наговоръ противъ Ийе).

4) Вупарла хайар. (Когда давить Вупар).

5) Ашри хайар. (Эта болѣзнь бываетъ у телятъ, которыхъ Вупар лишаетъ возможности ѣсть, пить и даже подниматься съ мѣста)

6) Вупкан тѣлхи. (Наговоръ противъ порчи Вупкана).

7) Кѣлѣ шавкамѣ. (При этой болѣзни человекъ теряетъ способность говорить).

8) Сар тир. (Желтуха.—бываетъ въ томъ случаѣ, когда упоминаютъ имена покойниковъ въ несоотвѣтствующей для этого обстановкѣ; напримѣръ, среди ругательствъ и брани).

9, 10) Ата тумалли. (Бесплодіе женщины и бевсиліе мужчины).

11) Шал суран тѣлхи. (Наговоръ противъ зубной боли).

12) Сѣр шавкамѣ, сѣр синкерѣ. (Эта болѣзнь бываетъ съ дѣтьми. Если ребенокъ бѣгая упадетъ, то земля, по мнѣнію чувашъ, можетъ причинить ему болѣзнь).

13) Ыѣлхене туртакан дир. (Виновица этой болѣзни также земля. Вместе съ вѣтромъ эта болѣзнь поднимается съ земли и поражаетъ человека сначала въ ноги, потомъ въ туловище и наконецъ отнимаетъ языкъ)

14) Сѣр синкерѣ. (Эта болѣзнь случается съ тѣмъ, кто падаетъ, или просто ложится на землю особенно ночью).

15) Шыв синкерѣ. (Болѣзнь отъ воды—лихорадка).

16) Шанар тургат ураран. (Судороги въ ногахъ,—бывающъ съ тѣмъ, кто ходитъ по берегу рѣки или, переходя чрезъ нее, падаетъ въ воду).

17) Харак синкерѣ. (Ревматизмъ въ ногахъ).

18) Сил синкере, сѣл-тавил синкере. (Болѣзнь отъ вѣтра).

19) Уссѣр дир. (Пьяная болѣзнь. Бываетъ съ лошадыю; проявляется въ томъ, что у лошади начинается болѣть голова и спина; животное дѣлается беспокойнымъ, во время ѣзды можетъ равнести и выбросить сѣдока).

20) Вут тѣлхи. (Наговоръ противъ пожара).

II.

Наговоры, примѣняемые въ тѣхъ, случаяхъ, когда 1) порча причиненная человеку, проявляется въ томъ, что онъ безъ причины гнѣвается и раздражается на своихъ семейныхъ (сынъ наснине турлетмелли тѣлхе); 2) когда отъ гнѣва и раздраженія дѣлается параличъ (орине сыхса сыхлантарат). 3.—Ман тохатмаш тѣлхи. (Большой наговоръ). Этотъ наговоръ, по словамъ анахара, сообщившаго его, самый сильный и цѣлительный. Благодаря ему могутъ выздоровѣть человекъ или животное, находяшіеся даже при смерти. Наговоръ состоитъ изъ 20 частей; при чтеніи каждой анахаръ дуетъ на соленую воду. Какъ на особенность этого наговора г. Мессарошъ указываетъ на то, что въ немъ нѣтъ никакихъ упоминаній о Богѣ и Божьей Матери, какъ это обычно можно видѣть въ другихъ наговорахъ. 4, 5) Варлантаракан тѣлхи. (Противъ остуды въ любящихъ сердцахъ). 6) Туй синкерѣ. (Порча при свадьбѣ). 7) Тум хайарѣ. (Лихорадка).

III.

Наговоры противъ злого глаза.

IV.

Наговоры противъ болѣзни Аншїрт. (Болѣзнь, происходящая оттого, что на человека «надесть гнѣвъ». Это бываетъ, если услышишь бранное слово или встрѣтишься съ человекомъ только что поссорившимся¹⁾). Г.

¹⁾ Н. И. Ашмаринъ. Словарь чувашскаго языка. Выпускъ II. 304 с.

Месарошъ указываетъ 9 случаевъ такого рода болѣзни. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: 1) Когда пострадавшимъ лицомъ является беременная женщина (особенно тяжелый случай аншартъ.—или "2)—ребенокъ въ материнской утробѣ; 3) Шур-сар (Желтуха, виновниками которой бываютъ долги, ссорящиеся у воды; 4) Тара хайар (Когда ссорятся солдаты); 5) Ыкенлѣ хайар (Когда ссорятся люди разныхъ религій, напр.: чувашинъ, татаринъ и мишаръ); 6) Вунірла куш хайарѣ (Болѣзнь отъ гнѣвнаго взгляда одного изъ участвовавшихъ въ ссорѣ) и т. д.

V.

1) Мур (Моръ); 2, 3, 4) Ылен тѣли (При укусъ вѣи); 5) Тимѣр тѣли (При порѣвахъ); 6) Шыс тѣли (Наговоръ при порѣвахъ въ томъ случаѣ, когда предшествующія ему не помогу); 7) Шал тѣли (При зубной боли); 8) Харана тѣли (При испугѣ дѣтей); 9) Вар витти тѣли (При поносѣ, который считается особаго рода Божьимъ наказаніемъ); 10) Хайарак тѣли (При нирывахъ и опухоли подъ мышкой); 11) Орпа. (Ячмень на глазу); 12) Наговоръ при особаго рода дѣтской болѣзни, которая проявляется въ томъ, что у ребенка начинается пухнуть животъ и при дыханіи можно бызаетъ видѣть, какъ онъ поднимается и опускается волнообразными движеніями съ 3-хъ разъ. Въ такомъ случаѣ говорить: «атапа вис дон полдѣ» (у ребенка стало 3 души). Чтобы извлечь изъ больного 2 лишніе души, прибѣгаютъ къ помощи знахаря.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ своей книги въ «Приложеніи», авторъ описываетъ кратко чувашскую свадьбу. По его мнѣнію, въ русскихъ этнографическихъ трудахъ по этому вопросу (у Магницкаго и Прокопьева) есть существенный недочетъ, а именно отсутствуетъ описаніе языческихъ обычаевъ при чувашской свадьбѣ. Что подъ этими обычаями разумѣетъ авторъ, остается неяснымъ, но только въ его описаніи почти нѣтъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что уже извѣстно въ литературѣ.

Въ заключеніе нельзя не поблагодарить г. Месароша за тѣ интересныя свѣдѣнія, какія сообщилъ онъ въ своемъ трудѣ. Кто сколько-нибудь знакомъ съ дѣломъ собиранія этнографическихъ данныхъ среди темныхъ инородцевъ нашего Поволжья, тотъ не можетъ не оцѣнить вполне той массы трудовъ и лишенія, какихъ несомнѣнно стоилъ г. Месарошу собранный имъ матеріалъ. Если трудно бываетъ вызвать нашего инородца, при его крайней подоврительности, на разсказъ самой обмкновенной сказки или прибаутки, то что скзать о его религиозныхъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ, составляющихъ святое святыхъ его души. «Религіовныя вѣнанія народа, неперсѣшеннаго культурой, говорить рецензентъ г. Месароша д-ръ Ш. Шмидоръ, сокрыты въ таинственныхъ глубинахъ его первобытнаго духа, самая сила и значеніе ихъ стоятъ въ неразрывной органической связи ихъ съ этой таинственностью»¹⁾.

¹⁾ Ethnographia a magyar néprajzi társaság értesítője. XXI, 1910—1 f. 5, 1.

Нѣкоторыя области этого рода знанія, напримѣръ, колдовство, даже и совсѣмъ могутъ быть признаны недоступными для исследователя. «Колдунъ, говоритъ г. Месарошъ, свои вѣянія колдовствомъ держатъ въ глубокой тайнѣ и крайне боятся равноблаченія истины, т. к. въ послѣднемъ случаѣ ихъ ждала бы вѣрная гибель отъ народнаго гнѣва. Тѣ же изъ нихъ, которые уже оставили свое колдовство, въ силу религіозныхъ фанатическихъ предразсудковъ боятся хотя бы однимъ словомъ обмолвиться о немъ. У меня, говоритъ онъ, былъ одинъ такой колдунъ. Сколько я ни пытался узнать что-нибудь о колдовствѣ, на всѣ мои просьбы былъ одинъ отвѣтъ: «Я уже забылъ колдовство и предъ крестомъ поклялся, что не буду болѣе волхвовать и продавать свою душу дьяволу. Да поразить меня Богъ, если я хоть одно слово еще скажу объ этомъ»¹⁾.

Таковы препятствія, которыя приходилось преодолевать г. Месарошу. Не смотря на все это, онъ представилъ намъ трудъ, изъ котораго, если даже третью исключить, какъ нѣмѣющуюся уже въ печати, то и остальное все-таки останавливаетъ на себѣ вниманіе своимъ объемомъ.

Но питая чувство глубокаго уваженія къ трудамъ и энергіи венгерскаго ученаго, не могу не отмѣтить несправедливости и пристрастности его въ сужденіяхъ о русскихъ вообще и русско-чувашскихъ отношеніяхъ въ частности. Этою пристрастностію несомнѣнно объясняется столь парадоксальное заявленіе его, что русскіе въ своемъ почитаніи святыхъ и иконъ, доходящемъ до идолопоклонства, являются соблазномъ для чувашина-монотеиста. Та же пристрастность, конечно, продиктовала ему и слѣдующія строки его произведенія, являющіяся въ устахъ его какъ бы характеристикой нашей православной миссіонерской дѣятельности. «Крещеніе чувашъ», говоритъ онъ на 2-й страницѣ своего труда, началось еще съ Іоанна Грознаго и продолжалось съ тѣхъ поръ спорадически... Лѣтъ 50—60 тому назадъ русское правительство снова возгорѣло ревностію къ миссіонерству. Правительственныя власти и священники толпами стали ходить по языческимъ деревнямъ и насильно крестить ихъ населеніе. Во многихъ мѣстахъ, по народному преданію, чуваша поднимали вооруженное восстаніе, въ другихъ—укрывались въ лѣсахъ и погребяхъ, спасаясь отъ воды крещенія. Такъ говоритъ г. Месарошъ. Изъ исторіи между тѣмъ извѣстно, что не только въ 60 годахъ прошлаго столѣтія, но и во времена Грознаго единственнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства были льготы и привилегіи, даваемые инородцамъ для привлеченія ихъ въ христіанство, о насильственныхъ же мѣрахъ не могло быть и рѣчи. Въ подтвержденіе своихъ словъ г. Месарошъ приводитъ слѣдующую пѣсню, относящуюся, по его мнѣнію, ко времени религіозныхъ насилій 60-хъ годовъ:

«Убили пеструю свинью, полсжили грудинку въ передній уголъ и говорятъ: «ѣшь!» А я не ѣмъ; тогда они приставили къ моей шеѣ ножъ.

¹⁾ 263 л.

Русский судья приказал намъ отречься отъ вѣры отцовъ. Спасибо Царю, онъ насъ воспитываетъ въ вѣрѣ правдѣдовъ.

Судя по содержанию пѣсни, едва ли не вѣрнѣе будетъ отнести ее къ чувашамъ отступникамъ въ мухаммеданство или склоннымъ къ нему, т. к. для нихъ вкушеніе свинины дѣйствительно харам (запретно), а не къ язычникамъ, у которыхъ вкушеніе свинины не влечетъ за собою извѣстныхъ вѣрѣ отцовъ. Вѣроятно г. Месарошъ ошибочно принялъ за насильственное обращеніе язычниковъ въ христіанство тѣ мѣры увѣщанія, какія принимались въ 50—60 годахъ русскимъ правительствомъ для удержанія крещенныхъ инородцевъ въ христіанствѣ и огражденія ихъ отъ мухаммеданской пропаганды. При незнаніи духовенствомъ инородческихъ языковъ, а инородцами русскаго, эти мѣры, какъ извѣстно, нерѣдко имѣли въ результатѣ печальныя недоразумѣнія, еще болѣе обострявшія отношенія отпавшихъ. Подъ влияніемъ этой именно обостренности и слагались въ народѣ пѣсни, подобныя вышеприведенной, въ которыхъ народная фантазія представляла себѣ русскаго судью не иначе, какъ съ ножомъ въ рукахъ, а самое христіанство въ видѣ религіи, главный догматъ которой вкушеніе свинины.

Недоброжелательность къ русскимъ у г. Месароша скрывается иногда въ отдѣльныхъ выраженіяхъ его. Выше было указано, что отъѣхъ историческихъ событіяхъ въ жизни инородцевъ нашего Поволжья, которыя прервали связь у чувашъ съ міромъ ислама и открыли имъ доступъ къ христіанству, авторъ отъмывается какъ о «неблагоприятныхъ»¹⁾. И это не ошибка или неточность въ языкѣ г. Месароша, а выраженіе употребленное имъ вполнѣ сознательно. Въ своемъ докладѣ Мадьярскому Средне и Восточно-Азіатскому Обществу онъ уже прямо заявляетъ, что покореніе Кавани русскими было «крупнымъ печальнымъ событіемъ въ жизни чувашъ, т. к. съ паденіемъ Кавани они потеряли свое болѣе независимое положеніе, какимъ пользовались подъ властію татаръ»²⁾.

Въ доказательство онъ ссылается на вышеприведенную уже «плаченную пѣсню о взятіи Кавани»³⁾. Но объ этой пѣсни, во первыхъ слѣдуетъ сказать, что довольно сомнительнымъ представляется ея чувашское происхожденіе: едва ли чуваша могли такъ близко принимать къ сердцу интересы Каванскаго царства; не вѣроятнѣе ли предположить, что содержаніе этой пѣсни заимствовано чувашами у татаръ, т. к. подобныя заимствованія нерѣдко встрѣчаются въ пѣсняхъ нашихъ инородцевъ, напр. вотяковъ, черемисъ и др.; во вторыхъ, пѣсня эта очень мало извѣстна среди чувашъ, что свидѣтельствуетъ о томъ, что содержаніе ея не соответствуетъ дѣйствительному настроенію чувашскихъ массъ, а является произведеніемъ можетъ быть того незначительнаго элемента среди нихъ, который подвергся влиянію ислама. Однимъ

¹⁾ См. выше стр. 2.

²⁾ Keleti szemle. 1908. 1—2 szam 134 l.

³⁾ См. выше стр. 9.

словом г. Месарошъ, думаю, не правъ, основываясь въ данномъ случаѣ на мѣстномъ преданіи довольно сомнительной цѣнности и оставляя безъ вниманія общенавѣстныя среди всѣхъ напикъ инородцевъ преданія о тяжести татарскаго ига и о деспотизмѣ татарскихъ владыкъ, доходившемъ до посягательства на чистоту семейныхъ супружескихъ отношеній. Очевидно г. Месарошъ болѣе желалъ бы видѣть чувашъ подъ игомъ татаръ мухаммеданъ, нежели подъ властію русскаго христіанскаго правительства. Такая пристрастность г. Месароша по отношенію къ русскимъ явленіе впрочемъ вполне понятное. Вѣдь онъ одинъ изъ венгерскихъ ученыхъ, пытающихся возстановить свою утерянную исторію, связывая ее попеременно то съ нашими башкирами, то съ вотяками, а то и съ чувашами. Последнѣйшій онъ представляетъ не чужими для себя, а племенемъ родственнымъ (гокоппереинк), своею «плотью и кровью» (testvereink). Не удивительно послѣ этого, что при видѣ факта постепеннаго сближенія чувашъ съ русскими, онъ долженъ былъ испытать нѣкоторое чувство ревности. Мечты его о будущемъ нашихъ инородцевъ совсѣмъ другого рода. Вотъ его подлинныя слова на этотъ счетъ изъ его описанія поѣздки по башкирскимъ землямъ: «Почему не возлагать намъ на нихъ добрыхъ надеждъ, спрашиваетъ авторъ, имѣя въ виду, какъ онъ выражается, могущественный океанъ финно-угорскихъ и тюрко-татарскихъ народностей, простирающійся отъ Ледовитаго океана до Средиземнаго моря и отъ Прессбурга до р. Лены. Вѣдь въ Приволжскихъ и Азиатскихъ степяхъ теперь уже не по прежнему только «вѣтеръ волнуется ковыль». Все развивается и движется впередъ. Въ Кавани и Оренбургѣ мы видимъ развивающуюся татарскую литературу и свободную мухаммеданскую культуру. Въ русской думѣ татарскіе представители говорятъ о правахъ своихъ народностей, и въ послѣдней татарской деревушкѣ земледѣлецъ или конскій пастухъ туранецъ толкуютъ о народномъ развитіи. И если миліоны этихъ народностей воскреснутъ для цивилизации и могущества, т. е. теперь уже не приходится намъ будить ихъ къ самосознанію, то какое вѣрно въ этой колоссальной туранской униі будетъ принадлежать мадырамъ, это покажетъ будущее. А теперь, пока это время не настало, будемъ при помощи науки все собирать у себя, чтобы наше отечество и литература явились Меккою для родственниковъ намъ народностей, и чтобы всѣ они обратили къ намъ свои лица, если только суждено нашимъ племенамъ (vereink) востать на поклоненіе въ храмѣ челоуѣческаго прогресса и цивилизациі»¹⁾.

Вотъ грандіозныя мечты г. Месароша, въ которыхъ извѣстную маленкую роль играютъ и наши чуваші. Лишне было бы говорить, что эти мечты очень напоминаютъ собою размышленія о пріятныхъ предметахъ нашего добряка Манилова. Несомнѣнно нашимъ простодушнымъ чувашамъ и во снѣ не снились такіе замыслы г. Месароша. Но если кто-либо даже и растолковалъ бы имъ, то не думаю, чтобы они прельстились тѣмъ, что обѣщаетъ

¹⁾ Ethnographi XXXI. 1910—1 (1—2 l.

имъ венгерскій ученый. Вѣдь насколько высока и заманчива для послѣдняго роль священной киблы—мекки, куда мухаммедане обращаются лицами во время молитвы, настолько незначительна и ничтожна въ сравненіи съ нею роль смиреннаго поклонника и обожателя. И если венгерцы будутъ въ киблѣ, а родственныя имъ народности—ихъ «плоть и кровь» разлѣются по равнымъ уголкамъ мечети, то нельзя сказать, чтобы о большомъ равенствѣ мечталъ г. Месарошъ въ своей будущей туранской уніи.

Вопреки г. Месарошу позволю себѣ высказать полную увѣренность въ прочности связей нашихъ чувашъ съ русскимъ народомъ, которому Промисломъ суждено было стать воспріимникомъ чувашъ отъ купели крещенія и тѣмъ же Промисломъ поручены были заботы объ ихъ воспитаніи и просвѣщеніи. Правда у насъ нѣтъ того кровнаго родства и плотской близости съ чувашами, какія пытается г. Месарошъ установить у нихъ съ мадьярами, но вѣдь не рѣдкостью бываетъ и такое явленіе, что иная нянька, чужой человекъ для ребенка, становится ему ближе и дороже, чѣмъ родная мать, увлеченная своими побѣдами въ свѣтѣ и только по временамъ заглядывающая къ колыбели ребенка, нѣрѣдко для того, чтобы обоввать его няньку дурой. Думаю, что Русскій народъ, явившійся для чувашъ «пѣстуномъ во Христа», всегда былъ достоинъ яванія своего и, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей одинаково родственно относился какъ къ своимъ русскимъ, такъ и къ инородцамъ.

А. Я. Емельяновъ.